

ПОВЕСТИ В. РАСПУТИНА В КОНТЕКСТЕ СТИЛЕВОЙ МОДИФИКАЦИИ РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Е. В. Крикливец

Витебск, Беларусь

Аннотация. В статье раскрываются причины и особенности стилевой модификации русской и белорусской реалистической прозы 1960–1990-х гг. Повести В. Распутина рассматриваются в контексте жанровой и эстетической динамики, определившей литературный процесс второй половины XX в.

Ключевые слова: русская литература, белорусская литература, реалистическая проза, стилевая модификация, повесть.

Реализм второй половины XX в. с эстетической точки зрения весьма неоднороден. Соцреализм, определивший вектор развития официальной советской литературы середины прошлого столетия, правомерно рассматривать как коммуникативную стратегию, свойственную модернистской парадигме. Поскольку именно в модернизме художественная деятельность ориентирована на целенаправленное воздействие на сознание адресата (читателя). Соцреализм как модернистская субпарадигма представляет собой инвариант императивной стратегии идеологически ангажированного политизированного письма. Определяющими в этом процессе коммуникации являются отношения автор – читатель, а референтная (предметная) сторона коммуникации организуется по заранее заданным эстетическим и содержательным канонам.

В 1960–1970-е гг. в прозе усилилась роль автобиографического начала, наметилось стремление к психологизму. Императивом художественного творчества становится постижение чужого «я», внимание и автора и читателя сконцентрировано на герое как предмете коммуникации. Происходит возвращение в русло классической реалистической эстетики. Примечательно, что этот переход обусловлен присутствием в текстах художественных произведений элементов символизма, романтизма, с 1970-х гг. усиливается экзистенциальная направленность прозы.

В контексте определенной культурно-исторической эпохи происходит интенсификация жанровых форм, изоморфных по-

знавательным потребностям времени. Метонимические приемы миромоделирования, свойственные жанру повести, способность повести отдельный аспект отношений человека и мира осмыслить как микромодель социального или нравственного мироустройства эпохи оказались созвучными реалистическому принципу типизации, для которого также характерен индуктивный способ постижения действительности. Неслучайно в реалистической прозе второй половины XX в. повесть становится наиболее востребованным жанром.

Обращение к жанру повести во второй половине XX в. позволило как русским, так и белорусским писателям преодолеть схематизм создания характеров, неизбежный в соцреалистической эстетике, и показать героя в его реальном столкновении (а нередко – противостоянии) с социально-исторической действительностью. Повести В. Распутина, В. Астафьева, В. Быкова, Ю. Бондарева, Г. Бакланова, Б. Васильева, Ю. Трифонова, И. Шамякина, В. Козько, В. Карамазова, И. Пташникова, Я. Сипакова и другие свидетельствуют о расцвете жанра повести в реалистической прозе второй половины XX в., что обусловлено мобильностью жанра, его демократичностью в идейно-содержательном и стилистическом планах.

В произведениях «деревенской прозы» в 1960–1970-е гг. происходит формирование особого утопического дискурса, что приводит к модификации реалистической эстетики. В рамках данного дискурса профанному настоящему противопоставляется идеальное прошлое. Как отмечает Н. В. Ковтун, утопия «стремится к аннексии смежных областей: с одной стороны, объединяет в тексте, картине мира различные типы мирообразов и способы словесного моделирования мира (пастораль, поучение, панегирик, исповедь), к которым восходит поэтика данного вида литературного жанра; с другой – вторгается в область идеала и идеального» [2, с. 15].

Причиной формирования утопического дискурса в «деревенской прозе» стали осознание и рефлексия социально-экономического и, что важнее, нравственного кризиса общества. Н. В. Ковтун подчеркивает, что «“постоттепельный” период в России (вторая половина 1960-х гг.) создает весьма благоприятную почву для распространения утопических идей: в стране

разрушены завоевания эпохи “культурной либерализации”, интеллектуалы уходят или в андеграунд, или в эмиграцию. Усилившееся противостояние Западу актуализирует интерес к “своему”, национальному. Возрождение традиционных ценностей рассматривается как вариант исхода, что и отражает “деревенская проза”» [2, с. 7]. Примечательно, что, в отличие от «классической утопии», в утопическом дискурсе «деревенской прозы» происходит идеализация не будущего, а прошлого, что позволило исследователям говорить о том, что «в литературу вошел еще один художественный миф – миф о “деревенской Атлантиде”» [4, т. 2, с. 82].

Размышления о сущности национального характера и о моральном облике современника сопровождаются в повестях В. Распутина, В. Белова, Ф. Абрамова, Б. Можая, В. Астафьева, А. Кулаковского, Я. Брыля, А. Осипенко, И. Пташникова, В. Карамазова, А. Кудравца, Б. Саченко и других поиском духовных основ в патриархальном укладе крестьянской жизни и в народных представлениях о нравственности. В этом смысле «деревенская проза» продолжает экзистенциальное направление, сложившееся в русской и белорусской литературах в XIX в., когда влияние церкви на общественное сознание ослабевает и гуманитарная мысль встает перед выбором: «как человеку лучше жить: с Богом или без Бога?» [1, с. 89]. Вопрос веры и безверия снова решается в пользу веры. Жизнь без Бога в душе лишена смысла. В этом ракурсе особую остроту и актуальность приобретает тема возвращения к корням, восстановления утраченных связей с родной почвой, ибо только так можно обрести духовную опору.

Фабульная канва многих произведений «деревенской прозы» в той или иной степени соотносится с евангельской притчей о блудном сыне. В статье «Об экзистенциальном пространстве русской литературы» В. Бачинин утверждает, что «блудный сын – это универсальный экзистенциальный тип духовного скитальца, потерявшего не только Бога, но и самого себя вначале утратившего, а затем вновь обретшего собственную идентичность» [Там же, с. 95]. Очевидно, что движение гуманитарной мысли в XIX–XX вв. коррелирует с логикой сюжета об отречении от отца (Бога) и последующем раскаянии, жажде спасения и решении вернуться.

В 1960–1980-е гг. писатели-«деревенщики» декларируют необходимость возвращения, предлагают его пути, предупреждают об экзистенциальной катастрофе в том случае, если возвращения блудного сына не случится. В белорусской литературе этого периода евангельская притча приобретает еще одно определяющее значение – обретения не только личной, но и национальной идентичности.

Так, в повести В. Распутина «Прощание с Матёрой» с образом старухи Дарьи связан целый комплекс экзистенциальных вопросов: проблема сохранения веры и духовности, проблема памяти о предках. Неслучайно одним из самых эмоциональных моментов повести, свидетельствующих о масштабах духовной катастрофы, становится разрушение кладбища.

Примечательно, что ключевая экзистенциальная оппозиция веры/безверия в произведении В. Распутина осмысливается через другую оппозицию: память/беспамятство. Вероятно, по мысли писателя, только человек, сохранивший память о прошлом (своего рода и своей родины), может сохранить нравственные ориентиры.

Повесть В. Распутина «Прощание с Матёрой» – это обращение к современникам и последующим поколениям предостережение о том, что кризис духовности может стать необратимым. Поэтому определяющее значение в произведении приобретает мотив суда. Это суд мертвых над живыми за отступничество от земли и веры предков: «Седни думаю: а ить оне с меня спросют. Спросют: как допустила такое хальство, куды смотрела? На тебя, скажут, понадеялись, а ты? А мне и ответ держать нечем», «Они спрашивают о надежде, они говорят, что она, Дарья, оставила их без надежды и будущего...» [6, с. 29, 126]. Это суд личной памяти над человеком за отречение от своих корней, от своего прошлого: «это странным образом связывалось с прошлым, с каким-то потерянным воспоминанием, за которое с нее теперь спросится... Забыла... Вот оно наконец то, что, не открываясь, почти с самого начала сегодня изводило ее какой-то молчаливой давней виной, за которую придется держать ответ» [Там же, с. 383, 388]. Память о прошлом является залогом ответственности поколений, продолжения жизни.

Отметим, что экзистенциальная проблематика конечности существования, бытия-к-смерти получает в «деревенской прозе» новую трактовку. Жизнь крестьянина подчинена земледельческому циклу, круговороту природы. Следовательно, понятия жизни и смерти, умирания и нового рождения прочно вошли в обиход деревенского жителя, приобрели значение повторяемости, цикличности. Человек рождается на свет, чтобы продолжить дело жизни, стать очередным звеном вечной цепи.

Дихотомия жизни и смерти, так пугающая младшее поколение, дает старшему, уходящему, успокоение, ощущение исполненности своего предназначения в деле продолжения жизни: «Она находится сейчас на самом сгибе: одна половина есть и будет, другая была, но вот-вот продернется вниз, а на сгиб встанет новое кольцо. Где же их больше – впереди или позади?» [6, с. 127].

Закономерно, что носителями патриархальных ценностей, воплощением лучших черт национального характера выступают в прозе и русских, и белорусских писателей представители старшего поколения. Это Дарья Пинигина и старуха Анна из повестей В. Распутина «Прощание с Матёрой» и «Последний срок», Иван Савельевич из его же поздней повести «Дочь Ивана, мать Ивана» (образ приобретает в произведении ярко очерченные былинные формы); это Пелагея из одноименной повести Ф. Абрамова; старая Анэта из повести А. Жука «Холодная птушка»; Лекса Купцова – героиня повести А. Кудравца «Раданіца»; образы мамы и бабушки главного героя повести М. Стрельцова «Адзін лапаць, адзін чунь» и др.

Такой ракурс психологического анализа обусловлен несколькими причинами. Во-первых, именно старшее поколение, с точки зрения писателей, остается хранителем народных традиций, духовности и нравственности. Мироззрение старших можно охарактеризовать как теоцентрическое, в то время как для молодого поколения вопросы веры отходят на второй план. Во-вторых, с образами стариков, находящихся, по меткому выражению Дарьи, «на самом сгибе» [Там же], связана экзистенциальная ситуация смерти, отношение к которой становится для них не только осознанием конечности бытия, но и подведением итогов прожитой жизни. В-третьих, пройденный жизненный путь позволяет старикам с особой глубиной осмыслить экзистенциальные категории Бога, судьбы, природы, времени.

Таким образом, в прозе писателей-традиционалистов происходит возрождение идей православия, осмысление экзистенциальных категорий веры, безверия, жизни, смерти, судьбы, смысла человеческого существования. Отметим, что в поздней «деревенской прозе» усиливаются апокалиптические мотивы, связанные с тем, что «реальность преодолевает границы патриархальной утопии» [2, с. 255] и происходит осознание разрыва современности и ушедшего патриархального миропорядка с его родовой моралью и представлениями о нравственности.

Примечательно, что развитие евангельского сюжета возвращения «блудного сына» в «отчий дом» имеет свою специфику в русской и белорусской литературах.

Так, повести В. Распутина «Последний срок», «Прощание с Матёрой», «Пожар», Ф. Абрамова «Пелагея», «Алька» и другие свидетельствуют о невозможности возвращения, об утрате прежних нравственных основ и идеалов, об окончательном разрушении патриархального мира. Как отмечает Н. В. Ковтун, «разрушение надежд на восстановление значимости крестьянской Руси, неосуществимость циклической модели истории равнозначны гибели самой истории, ее распылению, десемантизации. Перед неотвратимостью неизбежного писатели и пытаются сохранить еще видимые, живые черты патриархального мира, уже уходящего в небытие. Именно в этом чувстве обреченности кроется причина особого трагизма мироощущения авторов» [3, с. 24].

Белорусские прозаики не отказывают «блудному сыну» в возможности возвращения. Отречение от малой родины, утрата традиционных ценностей осмысливаются как один из этапов жизненного пути героя, после чего наступает осознание содеянного и происходит возвращение к корням. Эсхатологизм белорусской прозы (в том числе, повестей В. Карамазова «Дзень Барыса і Глеба», А. Кудравца «Раданіца», В. Козько «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел» и др.) обусловлен осознанием необходимости сохранения основ народной нравственности и культуры как условия национального возрождения.

Следовательно, основным достижением «деревенской прозы» видится не только и не столько романтизация и идеализация деревни, сколько тревога за духовное состояние общества, поиск глубинных основ нравственности и культуры, что способствовало обращению к мифологической и библейской образно-

сти, формированию особого типа художественного мышления. Социально-психологическая повесть 1970-х – 1980-х гг. обогащается неомифологическими приемами моделирования реальности. Мифопоэтизм характеризуется укорененностью в универсальных гуманистических константах национальной специфики (что особенно характерно для белорусской литературы). Обращение писателей к мифопоэтическим структурам зависело от многих причин. Прежде всего, миф, имеющий обобщающий характер, оказался универсальным средством преодоления «локального» историзма и позволил перейти к художественным обобщениям другого уровня: выявить «вечные» модели личных и общественных взаимоотношений, сущностные законы окружающего мира.

Мифологизм в творчестве русских и белорусских писателей второй половины XX в. носит глубоко осознанный, рефлексивный характер, что обуславливает философскую, интеллектуальную направленность их творчества, требует от читателя определенной эрудиции. При этом произведения затрагивают темы современности и «дозировка» мифологических элементов в них может быть разной: от присутствия в тексте отдельных мифологем до активного использования цитат, реминисценций, аллюзий. Отметим, что данные элементы, несомненно, используются писателями с установкой на их опознание читателем и содержат «код» художественного сообщения.

В русской и белорусской прозе второй половины XX в. можно выделить несколько способов использования писателями мифологической «цитации». Это наличие в тексте художественного произведения образных универсалий, отсылающих читателя к мифологическим представлениям («царский листвень», Хозяин острова – в повести В. Распутина «Прощание с Матёрой»); использование ритуально-мифологических реминисценций; интерпретация мифологических (чаще – библейских) мотивов и сюжетов (упомянутая нами притча о блудном сыне). Последний вариант цитации представляется особенно интересным, поскольку имеет сюжетообразующее значение. При этом сами произведения обращены к темам современности, а присутствующие в тексте аллюзии как бы свидетельствуют о возможности мифологического толкования изображаемого или же служат средством упорядочения авторских размышлений о проблемах своего времени.

К сожалению, на рубеже XX–XXI вв. произведений, актуализирующих интерес к патриархальным ценностям, появляется значительно меньше. Одной из наиболее репрезентативных, пожалуй, можно считать повесть В. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана», где с сыном главной героини («младшим» Иваном) связаны авторские надежды на восстановление и укрепление исторической памяти народа. В этом смысле продолжателем распутинских традиций в XXI в. стоит назвать Б. Екимова и его повесть «Предполагаем жить», образная система которой направлена на «открытие» героем Ильей красоты и гармонии окружающего мира и человеческих взаимоотношений, основанных на народной мудрости, простоте и нравственности.

Новые тенденции в развитии реализма в последней трети XX в. были отмечены исследователями, утверждавшими, что «основной внутренней задачей этой литературы... было возвращение к традиции критического реализма XIX в. как бы через голову соцреалистической мифологии» [4, т. 2, с. 521]. С одной стороны, гуманитарная наука справедливо отмечала преодоление канонов нормативной эстетики, совершившееся в прозе данного периода, с другой стороны, представления о «критическом» реализме XIX в. требуют уточнения.

Думается, реализм XIX в. корректнее определять как социально-психологический, поскольку, осваивая явления социально-исторической действительности, реализм XIX в. стремился раскрыть психологию героя, детерминированную этой действительностью, еще шире – выйти за пределы исторической действительности в попытке постижения сущностных законов, конституирующих общество, движение истории, психологию личности. В. М. Маркович отмечает: «В кругозор русских реалистов-классиков (Гоголя, Достоевского, Толстого, Лескова) входит категория сверхъестественного, а вместе с ней и дореалистические по своему происхождению формы постижения запредельных реальностей – откровение, религиозно-философская утопия, миф. Рядом с эмпирическим планом появляется план мистериальный: общественная жизнь, история, метания человеческой души получают тогда трансцендентный смысл, начинают соотноситься с такими категориями, как вечность, высшая справедливость... царство Божие на земле» [5, с. 243–244].

Таким образом, использование в реалистической повести второй половины XX в. элементов неклассической эстетики актуализирует заложенные (в частности, Ф. М. Достоевским) традиции онтологической и метафизической детерминации человеческого сознания.

Литература

1. *Бачинин В. А.* Об экзистенциальном пространстве русской литературы // Свобод. мысль. 2012. № 9–10. С. 89–102.
2. *Ковтун Н. В.* «Деревенская проза» в зеркале утопии. Новосибирск, 2009.
3. *Ковтун Н. В.* Современная традиционалистская проза : идеология и мифопоэтика : учеб. пособие. Красноярск, 2013.
4. *Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н.* Современная русская литература: 1950–1990-е гг. : учеб. пособие : в 2 т. М., 2006.
5. *Маркович В. М.* Вопрос о литературных направлениях и построении истории русской литературы XIX в. // Освобождение от догм. История русской литературы: состояние и пути изучения. М., 1997. Т. 1. С. 243–244.
6. *Распутин В. Г.* Повести. Минск, 1983.

E. V. Kriklivets (*Vitebsk, Belarus*)

V. RASPUTIN'S NOVELS AND STYLE MODIFICATION IN RUSSIAN AND BELARUSIAN REALISTIC PROSE OF THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Abstract. The article reveals the reasons and particular properties of style modification in Russian and Belarusian realistic prose of the 1960's – 1990's. V. Rasputin's novels are considered in the context of genre and aesthetic dynamics which determined the literary process of the second half of the twentieth century.

Keywords: Russian literature, Belarusian literature, realistic prose, style modification, novel.

СЛОВА С ПЕРЕНОСНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ И ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПОВЕСТИ В. Г. РАСПУТИНА «ПОЖАР» НА БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

Т. Б. Тагарова

Иркутск, Россия

Аннотация. В статье говорится о способах перевода на бурятский язык фразеологизмов и слов с переносным значением в повести В. Г. Распутина «Пожар». Трудности перевода связаны со словами и словосочетаниями русского языка областного характера, а также с авторскими окказионализмами. Но русским фразеологизмам и многозначным словам можно подобрать аналоги, эквиваленты с бурятского языка. Это подтверждает перевод повести «Пожар» на бурятский язык, опубликованный в журнале «Байгал».

Ключевые слова: перевод, русский язык, бурятский язык, фразеологизм, переносное значение, эквиваленты, авторские окказионализмы.